

прибалтийско-финско-саамским *i* в русском мы находим *e*. Примеры такого соответствия приводит Я. Калима: рус. *кѣрста* 'гроб, могила' ~ фин. *kirstu* 'гроб', рус. *вѣрги* 'зарубки на деревьях' ~ люд. *virg* 'затеска на дереве', рус. *ветлюк* 'кулик' ~ люд. *vitlik* 'вальдшнеп' [Kalima 1919, 51]. Есть примеры и в топонимии: рус. *Веницы* ~ вепс. *Ving⁷⁸*, рус. *Керг-* ~ фин. *kirkko*, ливв., люд. *kirikkö*, эст. *kirik, kirk*, саам. шв. *kirko*, норв. *gir'ko* 'церковь'⁷⁹. В последнем случае, объясняя вокализм первого слога, А. К. Матвеев отмечает патс. *k'er⁸⁰kk⁴*, мар. *чѣрке* 'церковь'. В нашем случае можно обратить внимание на нот. *pēd⁸¹*, а также на удм. *ped: ped pal* 'наружная сторона' (*pal* 'сторона'), *pedlo* 'наружу', *pedlon* 'снаружи' [SKES, 570]. Удмуртские лексемы признаются родственными прибалтийско-финским в SKES, что впоследствии подвергается сомнению в SSA из-за несоответствия семантики [SSA 2, 370], ср., однако, фин., карел. *pintapuoli* 'наружная сторона' (*puoli* 'сторона') [KKS 4, 297; БФРС, 467]. Процесс расширения *i* известен волжским и пермским языкам, в которых приб.-фин. *i* нередко соответствует *e⁸⁰*. Это обстоятельство подтверждает предположение о том, что языки, из которых заимствовано *péndus / pénтус / пѣнус*, имели саамско-волжские черты.

Таким образом, на наш взгляд, сев.-рус. *péndus / pénтус / пѣнус* восходит к формам **pendus, *pennus* с общим значением 'поверхность', 'нечто имеющее отношение к поверхности' (родственным фин. *pinta* и т. п.), существовавшим в вымерших языках Русского Севера, промежуточных между прибалтийско-финскими, с одной стороны, и саамским, волжскими, с другой.

А. Л. Шилов
Москва

Некоторые вопросы интерпретации севернорусских диалект- тизмов

Данные заметки имеют целью проиллюстрировать некоторые из множества проблем, подчас возникающих при этимологизации севернорусских диалектных слов, для которых предполагается иноязычное происхождение.

⁷⁸ Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. С. 46.

⁷⁹ Матвеев А. К. Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1970. С. 419.

⁸⁰ Основы финно-угорского языкознания (прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки). С. 210.

Здесь мы имеем в виду те случаи, когда значение диалектного слова зафиксировано не настолько определенно, чтобы надежно способствовать установлению его истинной этимологии. Иначе говоря, нечеткая, неопределенная или слишком общая (допускающая различные трактовки) фиксация семантики слова порой вынуждает предлагать альтернативные этимологические решения или даже подталкивать на ложное решение. Ниже ограничимся двумя примерами с территории Карелии.

Войва 'сенокос у моря' (Беломорский р-н Карелии) [СРГК 1, 220]. Примеров, иллюстрирующих употребление слова, в словаре не приведено. А ведь сенокосы бывают разными, хотя бы по расположению. По наблюдениям автора (отнюдь не претендующим на полноту), редкие сенокосы на карельском побережье Белого моря зачастую находятся на береговых склонах южной экспозиции, на открытых наносных мысах (мыс *Красный*, мыс *Хенной Наволок* – ср. карел. *heinä* 'сено' – южный отвершек мыса *Киндо* и др.) либо, наконец, на некоторых прибрежных островах. Имея в виду сенокосы последнего типа, можно вспомнить саам. *vuaive*, *oiv*, *oaiv*, *uaiv*, *uiv* 'голова' [KKLS, 787], в топонимах чаще означающее 'гора с округлой вершиной', но встречающееся и в названиях беломорских островов. Однако уже к 'мысовым' покосам это саамское слово вряд ли приложимо, ибо в саамской топонимической традиции семема 'голова' не прилагалась к мысам (в отличие от традиции прибалтийско-финской⁸¹). С другой стороны, фонетически рус. *вайва* почти идеально отвечает саамскому слову. Поэтому совершенно отказываться от данной этимологии, по нашему мнению, преждевременно. Во-первых, можно надеяться на уточнение или коррекцию значения русского термина в будущем. Во-вторых, не исключена возможность выявления (на основе анализа микротопонимии) былого специфического употребления термина *vuaive*, *oiv*, *oaiv* 'голова' саамами в Карелии.

Вендура 'место на болоте, не заросшее деревьями' (Карелия). Даются примеры: «*Морошка вся на вендуре растет, на вендурьях, на болоте*» (Медвежьегорский р-н); «*Такие вендурья есть на болоте, гладь такая, сосен много нету*»; «*Вендура – твердое место на болоте*» (Сегозерский р-н) [СРГК 1, 171].

О. А. Теуш на основании семантики 'болото, мокрая почва', предполагающей исходную семему 'мягкий', связывает *вендура* с приб.-фин.

⁸¹ Шиллов А. Л. Семантика термина «голова» в номинации географических объектов Русского Севера в контексте межэтнических контактов // Когнитивные сценарии языковой коммуникации: Докл. Междунар. науч. конф. Симферополь, 2001. С. 87–88.

vento, vendo 'вязкий, податливый (о дереве); топкий, зыбкий, водянистый; торфяное болото; тихое место в реке'⁸².

Но в определении (см. приведенные примеры) *вендуры* подчеркивается (хотя и не очень явно) не ее принадлежность к болоту вообще, а ее обособленность (в частности – твердость почвы). Поэтому, как нам кажется, следует обратить внимание и на саам. *viindar, viendar* 'холм, гряда' [KKLS, 754], что при заимствовании в русский вполне могло принять значение 'твердое, возвышенное место (в том числе – на болоте)'. Заметим, что оз. *Вендюрское* (в истоке р. Куландеги в Центральной Карелии; на нем находится д. *Вендуры*) лежит в окружении высоких камовых холмов и озовых гряд, лишь на западе окаймляясь болотистой равниной. Саамская этимология, кстати, объясняет и *-р-* в русском слове. Окончательно склониться к этой версии (или же решительно отвергнуть ее) нам не позволяет все та же недостаточная определенность семантики русского диалектизма.

2. К реабилитации двух русских диалектизмов (о мнимых фантомах)

Лексикографические фантомы – чрезвычайно опасное явление, которое не только неизбежно генерирует ложные этимологии и лексические связи, но подчас даже провоцирует необоснованные славянские реконструкции (о многочисленных фантомах русских говоров Сибири и порождаемых ими артефактах см.: [Аникин 2000]). Иные фантомы выступают порой и в качестве этимонов ряда топонимов (см. о названии *Неглинка*⁸³). Более того, известны даже случаи намеренного создания лексикографических фантомов для объяснения конкретных топонимов (г. *Коломна* – *коломень* 'окрестность', *Кадашевская слобода* в Москве – *кадаш* 'изготовитель кадей'⁸⁴).

Таким образом, актуальность работы по искоренению лексикографических фантомов очевидна. Но и здесь следует проявлять разумную осторожность.

В течение ряда лет А. Ф. Журавлев публикует критические замечания к Словарю русских народных говоров, выявляя в его составе лексикографические фантомы (в большинстве своем возникающие из-за не-

⁸² *Теуш О. А.* К вопросу о семантической реконструкции в этимологических исследованиях: явление изосемии деривационных гнезд // *Русская диалектная этимология: Мат-лы IV Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 22–24 октября 2002 г.* Екатеринбург, 2002. С. 100–104.

⁸³ *Шилов А. Л.* Заметки по исторической топонимии Русского Севера. М., 1999.

⁸⁴ См.: *Добродомов И. Г.* Город Коломна (топонимический этюд с источниковедческими экскурсами) // *Топонимия России. М., 1993. С. 55–73; Шилов А. Л.* Кадаши и Бараши – миф и реальность // *Русская речь. 2003 (в печати).*

брежной записи при полевом сборе материала или последующего неправильного прочтения этих записей). Многие замечания А. Ф. Журавлева вполне справедливы. Однако в некоторых случаях он проявляет гиперкритицизм, в частности – в силу игнорирования иноязычных данных. Так, в его работе⁸⁵ (там же помещен и полный список предшествующих публикаций на эту тему) два слова, по нашему мнению, отвергнуты необоснованно. Ниже, с отступом, даны соответствующие статьи СРНГ и заковыченный комментарий А. Ф. Журавлева, а обычным форматом – наши соображения по этому поводу.

Перзя, -и, ж. Прозвище: брюхан. Череп. Новг, 1898 [СРНГ 26, 281].

«Скорее прочего за составительским чтением з скрывается рукописное *д* с петлею вниз, а реальное слово – *пердя* (в СРНГ отмечено для Ветлужского уезда Костромской губернии, но на самом деле оно распространено намного шире). Помета «ж.» при заголовке статьи противоречит объяснению прозвища ('брюхан' – в мужском роде; кстати, можно усомниться в том, что семантика прозвища установлена регистратором с неоспоримой точностью)».

И все же *перзя* – не фантом. Об этом свидетельствует слово *перзак* 'толстый, полный; толстяк', зафиксированное в Подпорожском районе Ленинградской области [СРГК 4, 478]. Оба эти слова имеют прозрачную прибалтийско-финскую этимологию, ср. фин. *perse*, карел. *perše*, ливв. *perže*, *perze*, люд. *perze*, вепс. *perze*, водск. *perze*, эст. *perse*, лив. *pierz* 'зад, задница' [SKES, 525–526] (в силу географической локализации русских слов предпочтение в качестве источника заимствования следует отдать вепсским данным). Таким образом, рус. *перзя*, *перзак*, видимо, означало, в первую очередь, 'задастый, толстозадый', откуда недалеко и до 'толстяк' (если информанты и вправду не смягчили истинный смысл термина). Более того, исходно рус. *перзя* скорее означало именно 'задница' (что и оправдывает женский род слова в СРНГ). От *перзя* 'задница' естественно образование *перзак* (или *перзяк*) 'толстозадый; толстяк'. Кстати, аналогичные образования есть и в самих прибалтийско-финских языках: эст. *persikas* 'большезадый', вепс. *perskekaz* 'толстозадый' (при показателе обильности *-kas*, *-kaz*).

Естественно, что заимствованные слова *перзя*, *перзак*~*пирзак* (колебание *e~и* здесь вполне ожидаемо, ср. название д. *Пирзепельда* (< карел. *Perze-peldo* 'Заднее поле') Турчасовского стана в XVI в. [АСМ 1, 146]) со значением 'задница, толстозадый, толстяк' могли переходить в

⁸⁵ Журавлев А. Ф. Лексикографические фантомы. 6 (Словарь русских народных говоров: П) // Изв. Урал. гос. ун-та. 2001. № 20. Гуманитарные науки. Вып. 4. С. 172–178.

личные именованья. Об этом свидетельствуют названия д. *Пирзаково* в бассейне р. Колода (приток Водлы) и мыса *Перзин-наволока* на Выгозере. Уже в 1577 г. в Спасском Выгозерском погосте жил некто *Гришка Перзяк* [АСМ 2, 93]. Таким образом, *перзя* является не только реальным, но и весьма старым словом, бытовавшим в севернорусских диалектах.

Отметим, что Л. В. Куркина, также считающая слово *перзя* не фантомом, а реальией, связывает его с рус. диал. *порзный* 'жирный' и рядом других славянских слов, восходящих в итоге к **porǝz* 'кабан'⁸⁶. Но в условиях севернорусского оканья происхождение *перзя* из *порз-* представляется сомнительным.

Пирой, м. Пирог из ржаной и овсяной муки с рыбой. Майнов. Поездка в Обонежье и Корелу, 1877 [СРНГ 27, 43].

«Напрашивается догадка о том, что мы имеем дело со словом *пирог*; ошибочное чтение *й* – вместо *зь* (начальный штрих буквы *ь* мог быть воспринят как значок краткости на *й*). Несколько смущает, однако, что *пирогом* называется не 'пирог' вообще, а конкретно 'рыбник'».

Заметим, что В. Майнов в своих путевых заметках не записывал общерусских слов. Таким образом, об ошибке, предполагаемой А. Ф. Журавлевым, говорить не приходится. Тем не менее рус. *пирогъ*, скорее всего, действительно имеет отношение к рассматриваемому слову – как источник прибалтийско-финских слов, одно из которых, в свою очередь, оказалось источником русского диалектизма. Это фин. *piirakka*, *piirkka*, *piiraa*, *piiroo*, *piira*, карел., ливв. *piirakka*, *piiroa*, *piirua*, *piirai*, карел.-твер. *piirua*, люд. *piirag*, *piirai*, вепс. *pirg*, *pira* [SKES, 550–551]. Спрашивается, почему в прибалтийско-финских языках, наряду с *piirakka*, *piirag* (из *пирогъ*), существуют формы типа *piirai*? Они явно возникли по обратному словообразованию: *-kka* в *piirakka* было переосмыслено как уменьшительный или производящий суффикс *-kka* (ср. *haarukka* 'вилка' при *haara* 'ветвь, развилка', *mustikka* 'черника' при *musta* 'черный', *perukka* 'отдаленное место' при *perä* 'зад' и т. д.⁸⁷). К тому же образование формы *piirai* (**piiroi*) могло стимулироваться существованием приб.-фин. *kukoi* 'пирог'.

Думается, что рус. диал. *пирой* было заимствовано из людиковского говора карельского языка, с чем согласуется маршрут поездки В. Майнова (для людиковского вообще типичны образования на *-oi*: *pil'voi* 'вид

⁸⁶ Куркина Л. В. Этимологии русских диалектизмов // Русская диалектная этимология: Мат-лы IV Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 22–24 октября 2002 г. Екатеринбург, 2002. С. 14–15.

⁸⁷ Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. Ч. 1: Фонетика и морфология. М., 1953. С. 109–110.

гриба', *pinoi* 'комар', *pikoi* 'маленький'). Но почему словом *пирой* называли не пирог вообще, а именно пирог с рыбой? Этого мы объяснять не беремся. Укажем лишь, что в одном из диалектов финского языка *piirakka* – это именно пирог, фаршированный салакой, а в Бокситогорском районе Ленинградской области отмечено слово *пирюза* 'вид мелкой рыбы' (которая, как правило, и шла в пироги. – А. Ш.) [СРГК 4, 517]. Ну и, наконец, В. Майнову могли подавать пироги именно с рыбой, отчего в его записях и появилось это уточняющее определение.

Как бы то ни было, слово *пирой* не является фантомом, пусть оно к настоящему времени и вышло из употребления в русских говорах Южной Карелии (не зафиксировано в СРГК).

3. Неясность направления заимствования

Здесь уместно привести мнение А. К. Матвеева по поводу интерпретации диалектных слов, зафиксированных на территориях с богатой субстратной топонимией и заимствованной лексикой: «В процессе полевых работ оказалось, что психологически оправданное стремление выявить больше заимствований уменьшило внимание к исконной лексике, а при первичном анализе материала часто необоснованно расширялся круг заимствованных лексем за счет собственно русских и неясных по происхождению слов... Особенно трудны для интерпретации слова, которые не обладают явными фонетическими признаками заимствования и в то же время не опознаются как русские. Часто это экспрессивы... Слова, которые первоначально опознаются как финно-угорские, но надежно не этимологизируются, иногда находят объяснение в русском языке, при этом могут быть найдены этимологические решения и для тех русских слов, которые до сих пор не получили адекватной интерпретации»⁸⁸.

В качестве примера к этой проблеме приведем слово *тинать*, *тинуть* 'легонышко ударить, схватить, укусить, ущипнуть', приведенное как олонекское у В. И. Даля. М. Фасмер, воспроизведя материал Даля, пишет: «вероятно, звукоподражание» [Фасмер 4, 60].

Однако, с учетом района фиксации русского слова, трудно пройти мимо некоторых прибалтийско-финских лексем, а именно: фин. *siipata*, карел. *šiipata*, ливв. *šiipaija* 'слегка задеть, дотронуться, ударить; трогать, касаться, задевать' [SKES, 1016], фин. *sipaista*, *sivaista*, карел. *sibašša* 'легко задеть, дотронуться, ударить' (ср. карел. Новгородская обл.) *iš'ipaija* 'царапать, чесать') [SKES, 1035]. Фонетическое и морфо-

⁸⁸ Матвеев А. К. Целенаправленный поиск лексических заимствований и некоторые вопросы их интерпретации // Русская диалектная этимология: Мат-лы IV Междунар. науч. конф. Екатеринбург. 22–24 октября 2002 г. Екатеринбург, 2002. С. 41–43.

логическое сходство прибалтийско-финских и русских слов налицо. Можно было бы даже строить спекуляции относительно заимствования русского слова не из живых прибалтийско-финских языков, а из некоего древнего финского диалекта, в котором не осуществился переход **ti – si*. Но ведь ничто не противоречит иному предположению – о заимствовании прибалтийско-фин. слова из рус. *щипать*. Диалектное же *типать* в таком варианте выглядит местной (русской) традицией артикуляции. Переход ударения на первый слог (*щипáть – тѣпать*) можно при этом приписать воздействию прибалтийско-финского субстрата. Более того, из русского (якобы) по происхождению *типать* можно выводить и вепсское (не отмеченное, кстати, в SKES) *tippeita* ‘пятнать (при игре в пятнашки)’ (т. е. опять-таки «слегка касаться». – А. Ш.) [СВЯ, 570].

Резюмируя изложенный в данном разделе материал, автор может сказать лишь следующее: имеющиеся данные не позволяют однозначно решить вопрос об истинных отношениях приведенных прибалтийско-финских и русских лексем.